

А. Р. Ингеманссон

Особенности повествовательной структуры повести М. Шишкина «Слепой музыкант»

В статье исследуются особенности организации повествования в повести современного прозаика Михаила Шишкина, творчество которого характеризует связь традиций реалистического письма с элементами постмодернистской поэтики.

Ключевые слова: автор, повествование, персонажи, традиции, интертекстуальность.

A. R. Ingemansson

Features of the Narrative Structure of "A Blind Musician" by Mikhail Shishkin

The article analyses the features of the narrative organization in one of Mikhail Shishkin's writings whose creativity is characterized by communication of realistic traditions with elements of postmodern poetics.

Keywords: an author, narration, characters, traditions, intertextuality.

Повесть «Слепой музыкант» (1994) современного писателя Михаила Шишкина своим названием подтверждает тот факт, что проза этого художника находится на «стыке» направлений реализма и постмодернизма. С одной стороны, автор подчеркивает свою ориентацию на традиции русской классики, а с другой – заставляет сегодняшних читателей пристальнее взглянуть на новые «повороты» вечных человеческих проблем. Характеризуя особенности организации повествования данного произведения, стоит отметить, что своим аллюзивным заглавием оно указывает на «открытость границ текста, его соотнесенность с текстами... других авторов и других эпох» [8, стб. 848–849]. В первую очередь название заставляет вспомнить об этюде В. Г. Короленко «Слепой музыкант» (1886–1898). Одним из персонажей произведения М. Шишкина становится слепой юноша Рома, который, приехав с мамой Миррой Александровной в гости к своим знакомым, намерен сдавать экзамены в консерваторию. Но, в отличие от В. Г. Короленко, чей герой оказывается в семье «центром, около которого группировалась вся жизнь усадьбы» [6, с. 60], у Шишкина слепой пианист является не главным, а второстепенным персонажем. В произведении Короленко маленький Петрик с самого рождения окружен вниманием и заботой. У него есть добрая, любящая мать, всецело занятая его воспитанием. Роль главного учителя берет на себя дядя Максим, считающий, что «он призван к тому, чтобы развить присущие мальчику задатки, чтобы усилием своей мысли и своего влияния уравнове-

сить несправедливость судьбы, чтобы вместо себя поставить в ряды бойцов за дело жизни нового рекрута, на которого без его влияния никто бы не мог рассчитывать» [Там же, с. 19–20]. В повести современного прозаика обучение Ромы проходит не в домашних условиях, а в приюте для незрячих, да и его мать, истово верящая, что сын станет великим музыкантом, больше заинтересована в том, чтобы устроить свою личную жизнь. Далее, если женой пана Попельского у В. Г. Короленко становится девушка Эвелина, предназначенная для «тихого подвига любви, соединенной с печалью и заботой» [Там же, с. 53], то Рома лишен должного участия своей невесты Жени, которая вскоре после помолвки безжалостно оставляет его.

Интертекстуальный характер повествования в рассматриваемом произведении связан с переосмыслением не только сюжетов и образов русской классики XIX в., но и прозы XX в., в частности, творчества В. В. Набокова. Замечание литературного критика С. Федякина о том, что М. Шишкин в «Слепому музыканте» «сделал первый самостоятельный шаг... без Набокова» [13, с. 4], представляется спорным, поскольку история взаимоотношений Жени со взрослым мужчиной Алексеем Павловичем не может не напомнить о романе «Лолита» (1955), впервые изданном в России в 1989 г. Эпизод произведения Шишкина, в котором описывается, как юная девушка, вооружившись сачком, «шаманит вокруг, подрезая все, что летает, ползает, шевелится» [14, с. 65], прямо указывает на страсть Набокова к исследованию бабочек. Приме-

чительно, что важную роль в биографии двух писателей сыграла Швейцария. Как известно, В. Набоков прожил в этой стране около шестнадцати лет, а М. Шишкин вскоре после публикации «Слепого музыканта» уехал из России и в Цюрихе им были написаны такие романы, как «Взятие Измаила» (1999) и «Венерин волос» (2005). Интерес современного автора к фигуре Набокова обнаруживается и в публицистическом творчестве. Одна из глав книги Шишкина «Русская Швейцария» (2000) носит название «В сторону Набокова» и посвящена последнему периоду жизни писателя.

Цепь литературных ассоциаций продолжает и мифопоэтическая линия, связанная с представлениями героини Шишкина о своей «влюбленности в воздух». Чувства и переживания, испытываемые ею, «подсвечены» мифологическими сюжетами, объединенными темой «слепой» любви, и передаются в дневниковых записях и письмах, адресованных «ко всему в этот поздний час спящему человечеству» [Там же, с. 64]. В сознании Жени греховная связь с Алексеем Павловичем ассоциируется с мифами о похищении Европы Зевсом, который превратился в белого быка, о супруге спартанского царя Тиндарея Леде, с которой Зевс «соединился в образе лебедя» [15, с. 47], или о Данае, дочери аргосского царя Акрисия, заключенной «в подземный медный терем» [12, с. 351]. Помимо этого, уже на первых страницах произведения возникает параллель с историей об Амуре и Психее. Практически дословно М. Шишкин заимствует текст данного мифа из романа Люция Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел», в котором античный автор «создал поэтическую сказку о странствиях человеческой души, жаждущей слиться с любовью» [9, с. 345]. Вот как описывает Апулей действия Психеи, намеревающейся разглядеть лицо Амура: «оставшись одна, волнуется в скорби подобно бурному морю, и хотя решение принято и душа непреклонна, все же, готовясь протянуть руку к преступлению, она еще колеблется в нерешительности, и противоречивые чувства отвлекают ее от злого дела. Спешит, откладывает; дерзает, трепещет; отчаивается, гневается и, наконец, в одном и том же теле ненавидит чудовище и любит мужа» [1, с. 182–183]. У Шишкина о переживаниях Жени говорится: «оставшись одна, она волнуется в скорби, хотя решение принято и душа непреклонна, все еще колеблется, спешит, откладывает, дерзает, трепещет, отчаивается, гневается, ненавидит и любит вбираемую в себя тьму...» [14, с. 63]. Несложно заметить, что чувства «современной» Психеи оказываются сходными с чувствами, изображен-

ными в античном романе, и сочетают в себе две противоположности – любовь и ненависть. Но если у Апулея героиня при виде таинственного супруга оказывается плененной его неземной красотой, то Женя обманута в своих ожиданиях и горько разочарована. Образ ее возлюбленного лишен загадочности и возвышенности. Желая «увидеть на ложе своем бога или зверя» [Там же], она обнаруживает лишь «обыкновенный и неумный» [Там же, с. 77] плод своих фантазий, что, по-видимому, тоже связано с постмодернистской линией в прозе М. Шишкина, нередко иронизирующего над самой возможностью достижения идеального и гармоничного в современном мире.

Представляется важным, что в свое время, анализируя формы времени и хронотопа в античном романе, в частности, в произведении Апулея, М. М. Бахтин отмечал важную роль идеи метаморфозы – чудесного превращения, являющегося «формой осмысления и изображения частной человеческой судьбы... в ее основных переломных моментах» [2, с. 370]. В романе Апулея представлена метаморфоза главного героя Люция: «Люций до превращения в осла, Люций – осел, Люций – мистериально очищенный и обновленный. В параллельном сюжете даются два образа Психеи – до очищения искупительными страданиями и после них» [Там же, с. 371]. Ученый указывает на специфический ряд: вина – возмездие – искупление, вне которого невозможно развитие героя. Данная схема во многом оказывается применима и к жизненному пути Жени, вина которой в том, что пылкость ее чувств заставляет Алексея Павловича «изменять смертельно больной жене» Вере Львовне «с юной дурочкой» [14, с. 64]. Тема возмездия раскрывается через повествование о давнем увлечении Жениного отца Верой Львовной и о той боли, которую причинила их любовь матери Жени. А происходящая с героиней Шишкина метаморфоза связана с осознанием ею греховности своей любви. Оно происходит, с одной стороны, под влиянием Ромы, который словно бы явился из другого мира, «где нет ни света, ни тьмы, а значит, ничего ужасного» [Там же, с. 66], и который научил Женю видеть невидимое. Недаром героиня в очередном письме Алексею Павловичу пишет:

«Вот, это про меня и про Вас: » ::::
[Там же, с. 76].

Написанное с использованием алфавита Брайля слово «грех» свидетельствует о понимании Женей порочности ее тайной любви. Игра шрифтами, столь характерная для постмодернистских текстов, использующих «гетерогенные элементы различ-

ных знаковых систем, многих семиотик» [11, с. 65], позволяет Шишкину заострить внимание на нравственной проблематике и связывает образ Жени с архетипом грешницы, который, по мнению Н. Н. Мельниковой, «в пределах художественной словесности отличается своеобразной глобальностью: он принадлежит не только национальным литературам... но и в целом всемирной литературе» [10, с. 27].

Другой силой, укрепляющей духовную основу героини произведения, становится вера в Бога. Женя обращается к слову Библии. В текст повести М. Шишкина включен небольшой отрывок из Евангелия от Марка, в котором повествуется о чуде исцеления слепого в Вифсаиде: «И приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел и стал видеть все ясно» [Мк. 8:22–25]. Герой данного эпизода Евангелия оказывается слепым не от рождения, а вследствие утраты им веры в Бога. По мере постепенного исцеления он вновь обретает способность видеть. И если деяния Христа обусловлены любовью к страждущим, то чувство сострадания могло бы помочь и Жене прозреть, избавиться от греха, тем более, что в ее памяти возникают слова из Евангелия от Матфея: «а кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» [Мф. 18:6]. Они звучат в сознании Жени как предостережение для нее и ее избранника, который старается не думать об ответственности за свои грехи и по представлениям которого Бог не является высшим нравственным Судией, Он всего лишь «слепой музыкант». Именно Алексей Павлович задает провокационный вопрос и сам же на него отвечает: «Ты, Роман, думаешь, что это ты – слепой музыкант? Дурашка! Это он!.. Он! Бьет по нам, как по клавишам, и так и этак!» [14, с. 77]. Такие представления одного из персонажей произведения объясняют, почему ненависть и месть нередко становятся определяющими в поведении современного человека: раз Бог не видит порядка и смысла в этом мире, то нет причин и друг к другу относиться с любовью и пониманием, проникаться сочувствием к несчастью близкого человека.

Активное включение в текст повести мифологических и библейских сюжетов позволяет говорить о сознательном стремлении современного ав-

тора уйти от идеи движения времени и показать «вечный» характер чувств и переживаний своих персонажей. Композиционное строение повести «Слепой музыкант» также указывает на повторяемость сюжетных ситуаций. Начало и конец произведения совпадают: в обоих случаях Женя приходит в квартиру к Алексею Павловичу и видит в прихожей принадлежащее Вере Львовне «безвкусное пальто с перламутровыми пуговицами» [Там же, с. 62], постоянно напоминающее ей о сопернице и причине трагической гибели родной матери.

Согласно точке зрения Т. Г. Кучиной, исследовавшей особенности повествования в романной прозе М. Шишкина, художественный мир произведений писателя отличается «множеством преломленных и частично взаимоотраженных друг в друге персонажей и сюжетов. При всей разнице между героями и их историями повествование пронизано общими мотивами, микроэпизодами, деталями и подробностями» [7, с. 131]. Это замечание справедливо и по отношению к рассматриваемой повести. Примечательно, что здесь имя Мирры Александровны, стремящейся к сближению с отцом Жени, оказывается созвучным английскому слову "mirror", которое переводится на русский язык как «зеркало». По всей видимости, М. Шишкин, будучи по профессии переводчиком, намеренно использует прием языковой игры, чтобы подчеркнуть не только «замкнутость» жизни своих персонажей, но и «вечность» решаемых ими вопросов. К тому же в повести «Слепой музыкант» отсутствуют точные указания на конкретное место и время развития событий. Правда, можно встретить упоминание о том, что Женя и ее отец «весной... ездили в Петербург» [14, с. 70], или о том, что Алексей Павлович отправляет своей жене Вере Львовне открытку с изображением самарской набережной, но нельзя достоверно определить, разворачивается ли действие до переименования этих городов в Ленинград и Куйбышев или же после возвращения им первоначальных названий в постсоветский период истории. Однако современный прозаик не довольствуется одними постмодернистскими играми в «угадай», он не отходит от традиций реалистического письма, давая читателям знать о собственной «укорененности» в художественном тексте. Места пребывания персонажей «Слепого музыканта» связаны с некоторыми фактами биографии Михаила Шишкина. Так, со слов Жениного отца мы узнаем, что ее «мама с родителями жила на даче в Удельной» [14, с. 72]. В журнальном интервью Шишкин рассказал о том, что его бабушка жила в поселке Удельная под Москвой, куда он с

братом приезжал «к ней в детстве летом на каникулы – “на дачу”» [3, с. 182]. Кроме этого, в одном из эпизодов повести к Жене на трамвайной остановке подходит старуха и хочет, чтобы героиня «купила у нее какие-то... цветы, украденные... на бульваре у Гоголя» [14, с. 75]. По всей видимости, речь идет о Гоголевском бульваре в Москве. В непосредственной близости с этой улицей располагается Староконюшенный переулок, в котором, как известно, прошла юность Михаила Шишкина.

Возможно, именно личностная позиция автора делает персонажей его произведения не «симулякрами», а образами, наделенными всей гаммой человеческих чувств и переживаний: любовью и ненавистью, страданием и радостью. Этим они отличаются от персонажей первого рассказа М. Шишкина «Урок каллиграфии» (1993), которые не являются обладателями ярких, запоминающихся характеров [5]. Возможно, автор «Слепого музыканта» возлагает надежду на то, что его персонажам удастся не только «переписать» свои жизненные истории, но и преодолеть собственные пороки, поэтому он и дает им шанс «прозреть». Искуплением для Жени могло бы стать ее намерение выйти замуж за Рому. Описывая в своем последнем письме болезнь слепого пианиста, последовавшую после неудавшейся попытки сдать экзамен в консерваторию, Женя ощущает, что в ней произошла некая перемена, она вдруг стала другой. Впервые проявившееся и незнакомое прежде чувство сострадания заставляет героиню проявить заботу о Роме, ухаживать за ним, пока он не поправится. Однако Жене оказывается не под силу до конца пройти путь очищения, а на первое место в ее поведении выходит желание отомстить, то есть «отплатить за причиненную обиду, страдание» [4, с. 346]. Поэтому Женя и возвращается к Алексею Павловичу, зная, что причинит боль и ему, и его смертельно больной супруге. Правда, движет ей не только стойкая ненависть к Вере Львовне, но и стремление стать матерью. Известно, что от брака Амура и Психеи, о которых вспоминает Женя, рождается на свет дочь по имени Счастье. Во все времена основой счастья является любовь, именно она может потеснить мстительные чувства и в душе главной героини «Слепого музыканта»: недаром имя «Евгения» в переводе с греческого означает «благородная». Произойдет ли преображение грешников? Этот вопрос Михаил Шишкин оставляет открытым, заставляя своих читателей всерьез задуматься над тем, что же такое «грех» в контексте человеческой культуры и каковы способы его преодоления в современном мире.

Библиографический список

1. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды [Текст] / Апулей. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 435 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : В 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 340–503.
3. Говорят лауреаты «Знамени» [Текст] // Знамя. – 2000. – № 3. – С. 176–182.
4. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
5. Ингеманссон, А. Р. Система персонажей и авторская позиция в рассказе Михаила Шишкина «Урок каллиграфии» [Текст] / А. Р. Ингеманссон // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях : материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения», 17 мая 2011 г. – М.; Ярославль : Ремдер, 2011. – С. 489–495.
6. Короленко, В. Г. Слепой музыкант [Текст] / В. Г. Короленко. – М.: Сов. Россия, 1991. – 256 с.
7. Кучина, Т. Г. Поэтика «я»-повествования в русской прозе конца XX – начала XIX в. [Текст] : монография / Т. Г. Кучина ; М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского». – Ярославль : Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2008. – 270 с.
8. Ламзина, А. В. Рама произведения [Текст] / А. В. Ламзина // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 848–853.
9. Лосев, А. Ф. Психея [Текст] / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – С. 344–345.
10. Мельникова, Н. Н. Архетип грешницы в русской литературе [Текст] : к теоретической постановке проблемы / Н. Н. Мельникова // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 26–35.
11. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература [Текст] : учеб. пособие / И. С. Скоропанова. – М.: Флинта : Наука, 2002. – 608 с.
12. Тахо-Годи, А. А. Даная [Текст] / А. А. Тахо-Годи // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 351.
13. Федякин, С. Шишкин на тонких ножках [Текст] / С. Федякин // Литературная газета. – 1994. – 2 марта (№ 9). – С. 4.
14. Шишкин, М. Слепой музыкант [Текст] : повесть / М. Шишкин // Знамя. – 1994. – № 1. – С. 62–79.
15. Ярхо, В. Н. Леда [Текст] / В. Н. Ярхо // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – С. 47–48.